

Цзян Кайфэн помог им перенести продовольствие и заодно показал, где находится их участок для личного пользования. Поскольку им предстояло осваивать целину самостоятельно, площадь земли выделили немного больше.

— Кстати, если вам нужно купить что-то вроде деревянных шкафов, лучше всего обратиться к дяде Айго. У него самые качественные изделия из дерева, — мягко посоветовала Ся Чжюэ.

Цзян Айго был человеком простым и честным. Ся Чжюэ надеялась, что новые образованные горожане будут покупать вещи именно у него, чтобы жизнь дяди Айго стала хоть немного легче. Люди всегда многогранны: в каждом есть как светлые, так и темные стороны.

Цзян Кайфэн с нежностью посмотрел на Ся Чжюэ. Он всегда знал, что она очень добрая. Она прекрасно относилась к приемному ребенку и всегда поддерживала его начинания.

Линь Цзяоцзяо, наблюдая за ними, внезапно почувствовала укол ревности. В ее представлении Цзян Кайфэн должен был любить ее — ведь их связывала прошлая жизнь. В той жизни он так сильно ее баловал, почему же теперь все изменилось? Он должен был по-прежнему любить ее, а не смотреть на другую женщину с таким теплом.

— Мы вместе займемся разработкой участка, — Вэнь Шиянь посмотрел на Сы Цинъюэ.

В оригинальной истории Сы Цинъюэ обладал выдающимися знаниями и талантами, но, по непонятным причинам, в итоге стал лишь университетским преподавателем. В глазах Вэнь Шияня он был настоящим научным гением.

— Хорошо, — Сы Цинъюэ было все равно, есть у него личный участок или нет. Семья присылала ему посылки, так что в деревне он не пропадет, да и жить сможет вполне неплохо. Если Вэнь Шияню это нравится, то и ему подходит.

Разобравшись с делами, каждый занялся своим. Под любопытными взглядами остальных Вэнь Шиянь и Сы Цинъюэ покинули общежитие для образованной молодежи. Они направлялись к мастеру, которого советовала Ся Чжюэ: им были нужны деревянные тазы — вещь дешевая и практичная, очень популярная в быту. Кроме того, Вэнь Шиянь хотел купить большую бадью для купания, чтобы под ее прикрытием уходить в свое пространственное хранилище.

— Мы будем жить вместе с остальными? — спросил Сы Цинъюэ. На самом деле он предпочел бы жить только вдвоем с Вэнь Шиянем — вместе готовить, собирать хворост и купаться.

— Нет, нам двоим будет достаточно, — ответил Вэнь Шиянь.

Старожилы вряд ли захотят жить с новичками, так что у них была свобода выбора. Вэнь Шиянь предпочитал, чтобы вокруг было поменьше людей. Жить вдвоем с Сы Цинъюэ было разумно и удобно — это, кстати, была одна из причин, почему он с самого начала сблизился с ним.

— Так даже лучше.

Сы Цинъюэ не ожидал, что эта поездка в деревню принесет такие сюрпризы: он встретил человека, которого захотел защищать, хотя тот был настолько силен, что в защите вовсе не нуждался.

— Цзян Мо, твоя сестра тебя бросила?

— Я слышал от матери, что его сестра сбежала с кем-то.

— Теперь Цзян Мо — ничейный выродок. Его родителей заперли, непонятно, почему его самого еще не трогают.

— Цзян Мо, отвечай! Ты что, онемел?

Сы Цинъюэ взглянул на Вэнь Шиянь, а тот направился прямо к источнику шума. Несколько чумазных мальчишек окружили ребенка, выкрикивая оскорбления и брызгая слюной. Видя, что Цзян Мо молчит, они начали толкать его руками. Заметив свирепый взгляд Цзян Мо, один из мальчишек испугался и заплакал, а от страха принялся толкать его еще сильнее. Их родители говорили, что Цзян Мо — отродье, а вся его семья — злодеи, так что они якобы вершат правосудие.

— Что вы здесь делаете? — Вэнь Шиянь остановился в трех метрах от них, глядя на грязных детей с легким отвращением.

— Кто-то идет, бежим!

— Подождите меня!

Едва Вэнь Шиянь закончил фразу, дети разбежались. На земле остался лежать только Цзян Мо. Он был довольно опрятным, но после того, как его повалили, одежда испачкалась.

— Ты кто? — Сы Цинъюэ попытался помочь ему подняться, но мальчик отпрянул.

— Упрямый, — заметил Вэнь Шиянь.

Цзян Мо поднялся на ноги и, не взглянув на них, бросился наутек.

— Шиянь, ты им интересовался? — Сы Цинъюэ не разглядел лица мальчика, приняв его за обычного деревенского ребенка, которого травят сверстники.

— Это и есть Цзян Мо, тот самый ребенок, о котором говорила Ся Чжиюэ, — Вэнь Шиянь посмотрел на Сы Цинъюэ с любопытством.

Ся Чжюэ предупреждала: мальчик странный, ни с кем не сближается, хотя все к нему хорошо относятся. Он не ценит доброту и любит драться с деревенскими детьми. К тому же есть подозрения, что он ворует, поэтому она советовала следить за вещами.

— Цзян Мо... не очень-то похож на описание Ся Чжюэ, — Сы Цинъюэ поднялся. Похоже, эта деревушка не так проста, как кажется.

— Завтра поедешь в город? — Вэнь Шиянь спросил так, будто ему было совершенно все равно, куда делся Цзян Мо.

— Поедем вместе, мои посылки должны были прийти, — ответил Сы Цинъюэ. Мать позаботилась о нем заранее, и теперь он понимал, что собранные ею вещи очень пригодятся.

— Хорошо.

Они пошли рядом. Оба отличались не только статью, но и привлекательной внешностью, став настоящим украшением этой местности.

Как только они скрылись, Цзян Мо снова показался из укрытия. Он все это время наблюдал за этими двумя издали. Они были совсем не похожи на остальных. Особенно тот, что звался Вэнь Шиянем — от него веяло таким благородством, что Цзян Мо боялся поднять на него глаза, хотя безумно хотел смотреть на него снова и снова. Цзян Мо мечтал стать таким, как он, и в душе зародилось странное желание приблизиться к этому человеку.

Раны на теле еще не зажили, а после сегодняшнего добавились новые, каждое движение отдавалось болью. Цзян Мо стиснул зубы: однажды он заставит этих людей страдать еще сильнее. Он должен приблизиться к Вэнь Шияню. У него была интуиция: этот человек изменит его судьбу. А терять ему было уже нечего, поэтому страх исчез.

Вэнь Шиянь, конечно, не верил, что восьмилетний ребенок, которому суждено стать злодеем, может быть добрым и послушным. Цзян Мо был умен и готов использовать все, чтобы вырасти. Ся Чжюэ его недооценила, и однажды она еще пожалеет о своей ошибке.

Что до самого Вэнь Шияня, он пришел сюда лишь выполнить свою задачу. Кто прав, а кто виноват — его не касалось. Люди всегда стоят на своей стороне, и каждый судит мир через призму собственных убеждений. Никто не скажет наверняка, кто прав, а кто нет — где есть конкуренция, там всегда есть и боль.